

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Сергеев И. П. Вытеснение религии из повседневной жизни населения СССР в 20-е годы // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920 – 1950-е годы) / Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 297 – 311.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

8. Зимилова Н. Орехово-зுவская рабочая аудитория // Коммунистическое просвещение. — 1928. — №5. — С. 43—46; Рыбников Н. А. Автобиографии рабочих и их изучение. — М., 1930. — С. 49—51.

9. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. — М., 1996.

10. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М., 1998. — С. 526.

11. Письмо Марины Обручевой, 1941 г. рождения. Архив автора.

12. Воспоминания Екатерины Михайловны Савиной, 1910 года рождения. Ноябрь 2001 г. Архив автора.

13. Сенявский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении человечества. Материалы интернет-конференции // www.auditorium.ru.

И. П. Сергеев
(Харьков, Украина)

ВЫТЕСНЕНИЕ РЕЛИГИИ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 20-е годы

Вопрос о вытеснении религии из повседневной жизни советских людей в первое послереволюционное десятилетие является одним из аспектов проблемы политики Советской власти по отношению к религии, церкви и верующим. Данной проблеме посвящено большое количество публикаций советских, зарубежных, современных российских и украинских исследователей. В них прослеживается процесс ограничения деятельности церкви в СССР, решается вопрос о ликвидации или, наоборот, подлинном развитии свободы совести в условиях построения социализма в бывшей Российской империи. Однако при анализе политики партии и органов власти в отношении религии та-

кой момент, как влияние конкретных мероприятий и законодательных актов на изменение роли религии в повседневной жизни населения СССР в этих работах специально не изучается. Этим обстоятельством и определён выбор темы данной статьи.

В начале XX века Российская империя представляла собой государство, население которого почти поголовно было верующим (в литературе встречаются указания на то, что так или иначе с религией были связаны более 90 [1, с. 38] или даже 99 % [2, с. 99] жителей страны). Вневероисповедальное состояние человека в дореволюционной России законом не допускалось. К началу XX века в России на государственной службе находилось 295 тыс. служителей культа (для сравнения: учителей — 79 тыс., врачей — менее 17 тыс.) [3, с. 60]. По данным отчёта оберпрокурора Синода, в 1914 году на территории России находилось 57 153 церкви и 23 593 часовен и молитвенных домов. Православных мужских монастырей было 550, женских — 475 [4, с. 102] (монахов и монахинь в них — около 150 тыс. человек [5, с. 16]).

По определению «главного атеиста СССР» Е. Ярославского, жители царской России росли в обстановке, где религиозное воспитание, религиозные обряды и обычаи пронизывали собой всю жизнь. От рождения человека до смерти его сопровождала «поповская молитва, каждый шаг его жизни сопровождался религиозными обрядами» [6, с. 288]. Верующие различных конфессий отправляли разные обряды, таинства, церемонии, регулярно посещали службы в молитвенных домах, общались со служителями культа и единоверцами, отмечали церковные праздники, посещали святые места; конфессиональная принадлежность людей определяла их выбор имени для рождавшихся детей, влияла на рацион питания, одежду, внешний облик; сооружения культового назначения создавали облик городов и сельских поселений Российской империи; колокольный звон был неперенным и привычным явлением для уха обитателей той части территории Российского государства, где имелись христианские церкви.

Ещё до захвата политической власти в бывшей Российской империи большевики имели вполне определённое представ-

ление о том, какую политику им следует проводить по отношению к религии, церковным организациям и к верующим людям [6, с. 33]. Вера в Бога, с точки зрения вооружённых диалектическим и историческим материализмом коммунистов, была «опиумом народа» [7, с. 415], «родом духовной сивухи» [8, с. 143], одним из пережитков капитализма, который необходимо преодолеть. Церковь рассматривалась ими как уцелевший элемент старой системы угнетения народа, а служители культа — как яростные контрреволюционеры, которых нужно лишить активных и пассивных политических прав. Верующие же в глазах большевиков были тёмной религиозной массой [9, с. 285], которую следует освободить от ложного мировоззрения, тормозившего культурный рост людей, сковывавшего их творческую энергию и инициативу, столь необходимую для построения коммунистического общества [10, с. 3].

Большевики с первых дней нахождения у власти стали проводить антирелигиозную политику, которая должна была способствовать вытеснению религии из повседневной жизни населения СССР. При этом объективно решались две задачи: не допустить проникновения религиозных воззрений в среду несовершеннолетних и добиться отказа от религии тех взрослых, которые к моменту Октябрьской революции уже были верующими. Решение этих задач в первое послереволюционное десятилетие достигалось с помощью законодательных актов и распоряжений органов власти в центре и на местах, а также антирелигиозной пропаганды. Попытаемся проследить, как же шёл процесс вытеснения религии из повседневной жизни советских людей в рассматриваемый нами период.

К числу первых законов Советской власти принадлежат декреты о передаче функции регистрации актов гражданского состояния (рождения, брака, развода, смерти) из рук церкви в специальные органы гражданской власти. 16 декабря 1917 года был принят декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака», 18 декабря 1917 года — декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». В результате принятия этих актов не произошло полного отказа верующих от церковного

брака или приглашения священника для отпевания покойника. Однако, поскольку за отправление этих, теперь уже не обязательных, церковных обрядов, нужно было вносить определённую плату (причём некоторые местные органы власти намеренно устанавливали непомерно высокую плату за исполнение обрядов [2, с. 142]), часть верующих, для которых эта плата была значимой, могла от них отказаться. Кроме того, для ряда категорий населения Страны Советов названные обряды стали запрещёнными. Это касается не только членов партии, комсомольцев, но и некоторых государственных служащих. В одном из своих выступлений Е. Ярославский сообщил, что в ходе проходившей в 1924 году чистки рядов ВКП(б) на каждую сотню исключённых из партии приходилось 4 — 5 человек, исключённых за выполнение религиозных обрядов. В этом же выступлении он рассказал о факте отстранения от педагогической работы и исключения из профсоюза московской учительницы за то, что она сопровождала до кладбища гроб умершего родственника во время религиозных похорон [6, с. 68 — 70]. В конце 1924 года Киевский губком КП(б)У рекомендовал местным органам власти в первую очередь бороться с обрядностью среди учителей, агрономов, землемеров, членов волостных исполкомов и КНС. Они, наряду с коммунистами, должны были служить примером для остальных, «создавая новый селянский быт в противовес церковному» [2, с. 129].

16 января 1918 года был издан приказ наркома по военным делам о расформировании Управления духовного ведомства в армии. Теперь священники могли оставаться в воинских частях, но содержались они не за государственный счёт, а за счёт личных средств верующих [5, с. 40]. Это вело к вытеснению религии из воинской среды.

Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный 23 января 1918 года, в исследованиях советских историков обычно анализируется в плане его значения для уравнивания в правах атеистов и верующих и утраты церковью материальной поддержки со стороны государства и её влияния на учащиеся учебные заведения. Этот дек-

рет наносил серьёзный удар и по роли религии в повседневной жизни населения РСФСР.

В соответствии с этим декретом, закрывались домовые церкви (в учебных заведениях, больницах, тюрьмах и т. д.), запрещалось сопровождать государственные и иные публично-правовые общественные мероприятия какими-либо религиозными обрядами и церемониями. По ст. 124 УК РСФСР совершение в государственных учреждениях и предприятиях религиозных обрядов, а также помещение в них каких-либо религиозных изображений каралось принудительными работами на срок до 3 месяцев или штрафом до 300 руб. золотом [11, с. 18]. Этими актами были уничтожены тысячи храмов, существовавших для удовлетворения религиозных потребностей государственных служащих.

Поскольку с 1 марта 1918 года прекратилась выдача государственных средств на содержание церквей [5, с. 40], содержание служителей культа целиком ложилось на плечи прихожан. Верующие должны были также оплачивать аренду жилища для служителей культа, так как церковь была лишена принадлежавших ранее церковным общинам домов. Государство предоставляло общинам верующих молитвенные дома в бесплатное пользование, но по условиям договора о пользовании верующие должны были платить арендную плату за участок земли внутри церковной ограды, налог на строения, за свой счёт производить ремонт молитвенного дома и т. д. Всё это делало принадлежность к церковной общине и участие в её жизни делом дорогостоящим, а следовательно, часть верующих была вынуждена порывать с церковной общиной, что вело к падению значения религии в их жизни.

Провозглашавшееся этим же декретом отделение школы от церкви имело своим следствием вытеснение религии из стен учебных заведений. Но этот процесс начался ещё раньше. 11 декабря 1917 года было опубликовано постановление СНК РСФСР «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Во исполнение этого постановления Наркомпросу

было передано 40 тыс. церковно-приходских школ, 185 духовных училищ, 85 епархиальных женских училищ, 56 духовных семинарий, 4 духовные академии [5, с. 52–53].

18 февраля 1918 года было принято постановление Государственной комиссии РСФСР по просвещению «О светской школе», по которому преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных школах признавалось недопустимым. В школах запрещалось совершать религиозные обряды.

Циркуляром Наркомпроса РСФСР от 22 августа 1918 года предписывалось на основании декрета об отделении школы от церкви не позднее 1 сентября 1918 года (то есть за 10 дней) освободить помещения в учебных заведениях и в состоящих при них зданиях, занятые церквями, часовнями и молитвенными домами всех вероисповеданий, и использовать их исключительно для учебно-воспитательных целей [11, с. 75].

В развитие декрета об отделении школы от церкви ВЦИК УССР постановлением от 22 ноября 1922 года утвердил Кодекс законов по народному образованию УССР. В его 29-м параграфе говорилось: «Преподавание вероучений в учебно-воспитательных заведениях ученикам, а также в церквях, молитвенных и частных домах лицам, которые еще не достигли 18-летнего возраста, запрещается» [11, с. 55]. Аналогичные правовые нормы в РСФСР были установлены декретом ВЦИК от 13 июля 1921 года и УК РСФСР в 1926 году [5, с. 60].

Эти акты Советской власти не только привели к изменению учебной программы, но и отразились на судьбе многих людей, которые ранее преподавали Закон Божий и другие предметы религиозного характера (церковно-славянская грамота, церковное пение). Они не только лишились работы, но и самой религии теперь уделяли меньше времени. Запрет на преподавание религиозных учений, конечно, в первую очередь ограничивал рост религиозности учащихся, но он затрагивал и интересы взрослых людей. Изучение религии декретом об отделении школы от церкви объявлялось частным делом, родители могли обучать религии своих детей на дому, но не в форме групповых за-

нятий, то есть с числом детей не более трёх человек [12, с. 46]. По ст. 121 УК РСФСР, преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах каралось принудительными работами на срок до 1 года [11, с. 202]. В ответ на жалобы верующих на то, что этим положением декрета ущемляются их родительские права, сотрудники отдела Наркомюста указывали на то, что «эта ссылка неправомерна, так как при Социалистическом строе все общество заинтересовано в том, чтобы юное поколение получало надлежащее научное воспитание и образование. Согласно статье 153 Кодекса законов об актах гражданского состояния, родительские права осуществляются исключительно в интересах детей. Бесспорно, что преподавание детям закона божьего влечет за собою затемнение их детских умов и, таким образом, Советская власть, на обязанности коей лежит воспитание и образование детей, вправе и должна оградить их от наполнения детских голов религиозными предрассудками, к чему стремится духовенство путем преподавания закона божьего» [13, с. 41].

В условиях, когда подавляющее большинство населения страны составляли верующие, Советская власть не могла запретить деятельность церковных организаций. Однако для этой деятельности создавались отнюдь не самые благоприятные условия. После ликвидации церковной собственности новая власть получила в своё распоряжение и все церковные сооружения. Теперь любая церковная община для того, чтобы действовать на законных основаниях и пользоваться сооружением культового значения, должна была зарегистрироваться и заключить с органом местной власти договор на бессрочное бесплатное пользование молитвенным домом. Регистрация общины требовала больших материальных затрат и моральной смелости верующих и руководителей церковных организаций, в уставе общин были пункты, которые накладывали на общины большие обязанности и позволяли органам власти отказать в регистрации или распустить общину верующих, лишить её возможности пользования молитвенным домом и даже принять решение о разрушении

этого дома. Согласно принятому «Типовому уставу религиозных общин» этим общинам не разрешалось создавать свои библиотеки, организовывать кружки (литературные, хоровые, музыкальные и т. д.), проводить «специальную» работу среди женщин, молодёжи и детей. Всё это приводило к сокращению числа общин верующих, закрытию церквей и монастырей, изменению облика городов и сёл.

В Харькове только в 1919 – 1921 годы были закрыты 23 церкви и ряд часовен [2, с. 20]. В 1921 – 1925 годах на Украине были закрыты 364 культовых сооружения, а за два последних месяца 1929 года и январь 1930 года – 202 культовых сооружения [2, с. 41]. В 1928 году в СССР были закрыты 354 церкви, 38 монастырей, 59 синагог, 38 мечетей и 43 других учреждения религиозного культа. За первую половину 1929 года в СССР были закрыты 423 культовых здания [10, с. 153]. По подсчётам Е. Ярославского, на 12-м году Октябрьской революции у церкви было примерно 45 тыс. молитвенных зданий [6, с. 104], в Москве до 1917 года было около 1 тыс. церквей (включая домовые), в 1932 году оставалось около 100 церквей, в которых совершалось богослужение [6, с. 316].

Произвол местных властей в деле закрытия церквей вызывал недовольство верующих. В связи с этим в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» было помещено требование «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения». Разрушение культовых зданий меняло облик городов и сёл. В Харькове были разрушены часовни на площади перед Южным вокзалом, на Сергиевской площади [2, с. 43].

Верующим не было запрещено принимать участие в различных религиозных обрядах и церемониях. Однако, согласно ст. 5 Декрета об отделении церкви от государства, свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивалось постольку, поскольку они не нарушали общественного порядка и не сопровождались посягательствами на права граждан Советской

Республики [11, с. 2]. Для совершения обрядов и церемоний нужно было получить разрешение органов местной власти. В инструкции НКЮ от 24 августа 1918 года отмечалось, что религиозные шествия и совершение религиозных обрядов на улицах и площадях (включая и шествия с хоругвями и колокольным звоном при похоронах) допускаются лишь с письменного разрешения власти, которое устроители должны получать не позднее чем за два дня до публичного совершения религиозной церемонии [11, с. 14–15]. 15 ноября 1918 года 8-й отдел НКЮ в ответ на запросы о возможности дать общее разрешение церковникам на совершение религиозных церемоний (проводы причтом покойника от дома до церкви и кладбища, крестные ходы из храмов на поля, на водные источники, хождение по домам прихожан в дни Пасхи и др.) сообщал, что «даже и с учетом того, что отправление этих обрядов и церемоний не наносит особого оскорбления революционного чувства трудовых масс, которые до сих пор в большинстве чтят все подобные проявления культа, ... прежде всего необходимо руководствоваться следующим общим положением, что публичное отправление религиозных обрядов с точки зрения пролетарской культуры крайне нежелательно вообще, как пропаганда религиозных предрассудков, разрешения следует предоставлять в каждом отдельном случае, ибо имея общее, заранее данное из центра разрешение на устройство шествий и т. д., черная сотня во главе со служителями культа может подготовить и осуществить свое выступление, опираясь на разрешение, данное, независимо от местной советской власти, высшей инстанцией» [14, с. 69]. В Уголовном кодексе УССР 1927 года перечислялись те действия служителей культа по проведению церковных обрядов и церемоний, которые вели к административной ответственности: устройство религиозных шествий (кроме похорон) или совершение религиозных обрядов вне пределов ограды молитвенных зданий без специального разрешения органов власти; нарушение или стеснение религиозными обрядами и церемониями культа свободы передвижения других граждан; созыв общих собраний религиозных обществ без предварительного уведомления органов вла-

сти [12, с. 49–50]. По ст. 227 УК РСФСР публичные нарушения или стеснения религиозными или культовыми церемониями свободы движения других граждан, вопреки закону или обязательному постановлению местной власти, карались принудительными работами или штрафом до 300 руб. золотом [11, с. 377].

К вытеснению религии из повседневной жизни СССР вела широкая антирелигиозная пропаганда. Разоблачение религии и церкви как защитников царского режима, как пособников контрреволюционеров и интервентов в их борьбе против Советской Республики имело важное значение в области идеологии уже в первые годы Советской власти. Для координации усилий атеистов в стране создавались общества и специальные печатные органы. В 1921 году создано научное общество «Атеист», которое с 1922 года начало издавать газету «Атеист», а с 1923 года – журнал с таким же названием. С 1922 года издавалась научно-популярная еженедельная газета «Безбожник». В 1925 году было создано Общество друзей газеты «Безбожник», переименованное потом в Союз безбожников, а в 1929 году – Союз воинствующих безбожников.

Антирелигиозная пропаганда осуществлялась под руководством компартии, вопрос о ней рассматривался на ряде съездов партии и на специальных совещаниях при ЦК ВКП(б). К активному участию в ней призвались все общественные организации вплоть до пионерской. Так, главный «воинствующий безбожник» страны Е. Ярославский в 1929 году опубликовал наказ пионерам СССР, в котором призвал их бороться против религии, религиозных обрядов, праздников, религиозной пищи, за закрытие церквей, вести антирелигиозную работу «даже среди-октябрят» [6, с. 26–27].

В ходе пропагандистских мероприятий осуществлялась дискредитация священнослужителей. Их огульно обвиняли в контрреволюционной деятельности, в том, что они ведут аморальный образ жизни. В выпускавшемся в издательстве Наркомюста СССР журнале «Церковь и революция» один из руководителей и идеологов антицерковного движения П. Красиков дал такую характеристику учебным центрам, в которых готовились

кадры служителей культа: «Возьмите русскую духовную семинарию или академию, где сотни и тысячи молодых и развращаемых до мозга костей людей, заранее издевающихся над верующими простаками, которых они сознательно и систематически готовятся околпачивать, неуважающих и презирующих всю свою «науку» — богословие, все таинства, амулеты и др. способы одурачивания темных масс, презирующих своих наставников и учителей, заливающих водкой остатки своей юношеской честности и идеализма, или зоологически мечтающих о теплом доходном приходе... Католические семинарии еще отвратительнее, еще гаже. Там физический, нравственный и умственный разврат под руководством опытных и деспотических лицемеров достигает высшей цинической формы» [15, с. 1].

Большое значение в деле дискредитации православия имела кампания по вскрытию мощей святых. В дореволюционной России было около 400 мощей. В местах нахождения мощей святых верующим продавались свечи, лампадное масло, святая вода, пояски, крестики, иконы, освящённые на мощах и имевшие в связи с этим якобы целебные свойства [2, с. 129].

Кампания по вскрытию мощей началась ещё в 1918 году. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин придавал кампании по разоблачению «нетленных мощей» большое значение, он говорил: «Показать, какие это были «святости» ... и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от церкви сотни тысяч людей» [16, с. 122]. Согласно циркуляру НКЮ от 25 августа 1920 года, на этот период в ряде губерний России (Архангельской, Владимирской, Воронежской и др.) было произведено 58 вскрытий так называемых «нетленных мощей». При этом власти пропагандировали идею о том, что это вскрытие производится «по почину и настойчивому требованию трудящихся масс». Составители циркуляра от имени НКЮ призывали местные исполкомы «последовательно и планомерно проводить полную ликвидацию мощей», вскрытые мощи передавать в музеи и привлекать к уголовной ответственности тех, кто чинит препятствия по производству вскрытия [11, с. 25 — 27]. Процедура

вскрытия проводилась при большом скоплении верующих, широко освещалась в печати, снималась на киноплёнку с последующей демонстрацией в кино. Ликвидация мощей не только способствовала «выкорчёвыванию» религиозности у части верующих, но и лишала тех, кто хотел бы и дальше поклоняться мощам святых, такой возможности.

Много усилий прилагали большевики для вытеснения церковных праздников и замены их «революционными» праздниками. В марте 1918 года Екатеринославский губсовет постановил не праздновать Масленицу [2, с. 133]. Активную роль в этой кампании играл комсомол. С 1922 года комсомольцы стали организовывать «комсомольское рождество», «комсомольскую пасху», проводили общественные суды над комсомольцами, выполнявшими религиозные обряды. В 1925 — 1927 годах комсомольцы проводили в дни религиозных праздников субботники [17, с. 305 — 308]. Вместо религиозных обрядов вводились советские обряды: крещение по коммунистическому календарю с присвоением новых имён (Карлиб — от Карла Либкнехта, Нинель — Ленин наоборот, Трактор, Революция, Электрификация и др.), «октябрины», «революционные» (красные) свадьбы. Е. Ярославский называл важнейшим решением 1929 года, которое нанесло сокрушительный удар религии и религиозным идеологиям, коренящимся в быту рабочих и крестьянских масс, переход на непрерывную рабочую неделю, которым стиралась грань между воскресеньями, субботах и «будними» днями. Этот переход, по его мнению, принципиально по-иному ставил вопрос о религиозных праздниках, должен был способствовать «ускорению выкорчевывания религиозного быта» [6, с. 63]. Одной из форм процесса ломки религиозных традиций и привычек была организация безбожных бригад, цехов, заводов и колхозов.

К числу широких антирелигиозных кампаний принадлежала борьба с иконами и колокольным звоном.

В ответ на запрос Курского губисполкома 5-й отдел Наркомюста в своём извещении от 10 января 1922 года указывал на

недопустимость нахождения икон в публичных местах (в столовых, магазинах, буфетах, ресторанах, мастерских и т. п.), в том числе и являющихся частными заведениями [11, с. 17–18]. В отдельных населённых пунктах изъятие и уничтожение икон осуществлялось насильно. Создавались «ударные бригады», которые обходили крестьянские дома и отбирали иконы. Уничтожавшиеся иконы измерялись в возах и тысячах штук [6, с. 131].

Начиная с IX века, колокольный звон на Руси сопровождал церковные богослужения, звучал во время божественной литургии, чтения Евангелия, сопровождал крёстные ходы, использовался для сбора населения, а также как сигнал тревоги.

Борьбу с колокольным звоном большевики санкционировали декретом от 30 июня 1918 года, по которому «виновные в созыве населения набатным звоном ... с контрреволюционными целями предаются революционному трибуналу» [2, с. 46–47]. Решение вопроса о снятии колоколов в конце 1920-х годов принималось под лозунгом необходимости использования металла для нужд пятилетки. Причём такие решения принимались на собраниях жителей населённых пунктов без учёта воли большинства их участников. Например, вопрос о снятии колоколов местной церкви на сходе избирателей села Городище Сталинградского округа был поднят внезапно, без всякой подготовки. Из 1575 избирателей на сходе присутствовало 128. За снятие всех колоколов с церкви проголосовало 9 человек, за снятие всех колоколов, кроме одного — 28 человек, против снятия — 3 человека, остальные воздержались. Но сельсовет, руководствуясь решением схода, колокола с церкви снял [6, с. 115–116].

Руководство Союза воинствующих безбожников, как сообщал Е. Ярославский в докладе на заседании Исполнительного бюро Центрального совета этой организации 29 января 1930 года, ставило вопрос о необходимости разработать закон, по которому в местах, где имеется большое скопление рабочих и много учреждений, запрещался бы колокольный звон, за исключением звона колоколов небольшого веса в определённые часы. Однако власти целого ряда городов (Костромы, Брянска, Сама-

ры и др.) вынесли постановления о снятии всех колоколов и, таким образом, необходимость в принятии закона на государственном уровне отпала [6, с. 88].

Чтобы придать кампании «законный характер», секретариат Президиума ВУЦИК 11 декабря 1929 года обсудил вопрос о порядке изъятия колоколов из молитвенных домов и принял соответствующее постановление. 15 декабря 1929 года была принята инструкция НКВД о порядке снятия колоколов, которая была разослана во все окружные административные отделы НКВД УССР [2, с. 49–50].

В русле борьбы за создание нового «революционного» быта проводилась широкомасштабная работа по переименованию улиц, площадей и населённых пунктов, в том числе имевших в своих названиях «религиозный» налёт. Они получали новые названия в основном в память о деятелях российского и международного рабочего и коммунистического движения (не только давно умерших, но и ещё живущих).

Конечно, к началу 1930-х годов религия не была полностью вытеснена из повседневной жизни советских людей. По данным ЦСУ УССР, в 1923 году являлись верующими 40,4 % взрослого населения Украины, а многие из остальных 50,6 % взрослых, не являясь официально членами церковных общин, с церковью не порывали [2, с. 193]. Даже в 1934 году значительная часть сельского населения СССР (например, 47,9 % женщин в возрасте от 40 до 59 лет) исполняли различные религиозные обряды [10, с. 155]. Согласно данным советской статистики, которой, конечно, нельзя полностью доверять, если в 1922–1923 годах только на исполнение религиозных обрядов в год уходило у мужчин, жителей сельской местности, 119 часов, а у женщин – 199 часов, то в 1934 году, соответственно, – 4 часа и 15 часов [18, с. 65].

Однако всё то, что было осуществлено большевиками в ходе антирелигиозной политики, значительно изменило быт населения и облик населённых пунктов СССР.

Литература

1. Коновалов Б. Н. К массовому атеизму. — М., 1974.
2. Силантьев В. И. Большевики и Православная церковь на Украине в 20-е годы. — Х., 1998.
3. Савельев В. Н. Свобода совести: история и теория. — М., 1991.
4. Кандидов Б. Участие церковников в гражданской войне и интервенции // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917 — 1932. — М., 1932.
5. Барменков А. И. Свобода совести в СССР. — 2-е изд. — М., 1986.
6. Ярославский Е. Борьба за преодоление религии. — М., 1935.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. — 2-е изд. — Т. 1.
8. Ленин В. И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. — Т. 12.
9. Красиков П. А. На церковном фронте (1918 — 1923). — М., 1923.
10. Воронцов Г. В. Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917 — 1937 годы). — Л., 1973.
11. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства. — М., 1924.
12. Гаевая Н. П. Советское законодательство о свободе совести. — К., 1988.
13. Хроника // Революция и церковь. — 1923. — № 1.
14. Хроника VIII отдела // Революция и церковь. — 1919. — № 3 — 5.
15. Красиков П. Положение церкви в Российской Советской республике // Революция и церковь. — 1923. — № 1.
16. Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич в первые годы после Октября // Воспоминания о Ленине. — М., 1955.
17. Вакурова А. Комсомол на антирелигиозном фронте // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917 — 1932. — М., 1932.
18. СССР — страна социализма. Статистический сборник. — М., 1936.